

Плачущий Ангел

Священник Александр Дьяченко

Александр Дьяченко
Плачущий Ангел (сборник)
Серия «Современная проза (Никея)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8248833

*Священник Александр Дьяченко. Плачущий ангел. Рассказы и очерки:
Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», Никея;*

Москва; 2011

ISBN 978-5-91761-062-7

Аннотация

Яркие, современные и необычайно глубокие рассказы отца Александра завораживают читателей с первых строк. В чем секрет автора? В правде. В правде жизни. Он ясно видит то, что мы научились не замечать – то, что доставляет нам неудобство и беспокоит совесть. Но здесь, в тени нашего внимания, не только боль и страдания. Именно здесь – и несказанная радость, ведущая нас к Свету.

Содержание

Диаконское искусство	6
Немного о главном	19
Чудеса	29
Иван	36
Подарок	41
Новый год	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Священник
Александр Дьяченко
Плачущий ангел.
Рассказы и очерки**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви № 10-08-0318

© ООО «Никея», 2010

© Дьяченко Александр, священник, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы при-

обрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Диаконское искусство

О том, что у меня бас и хорошие перспективы при правильной постановке голоса, мне еще в школе говорил один мой приятель. Когда по его просьбе я что-то прохрипел в телефонную трубку, он в восхищении заорал мне в ответ:

– Да тебе в консерватории учиться надо, Шура, поверь мне! В этом деле я не ошибаюсь!

Впрочем, у меня тогда было невысокое мнение о музыкальных способностях моего одноклассника; я ему не поверил, и напрасно: сегодня друг моего детства – один из известных белорусских музыкальных продюсеров, владеет студией звукозаписи и разъезжает по всему миру с несколькими коллективами. Поверил бы другу, сейчас бы, глядишь, в Большом солировал...

Когда я стал ходить на службы, то тихонько подпевал, стоя за клиросом. Думал, что никто меня не слышит. Ан нет – в храме любое параллельное хору пение очень даже слышно. Меня вычислили, но, вместо того чтобы наказать, пригласили на клирос.

Вот тут-то я и пожалел, что не слушался маму, которая всеми силами старалась меня, лопоухого второклассника, заставить играть на пианино. Я категорически отвергал все ее попытки:

– Танкистам не нужно играть на пианино!

– Ладно, – устав от наших баталий, в конце концов сказал папа – танкист еще с боевым стажем, – если не хочет, не мучай ребенка!

Откуда мне было знать, что как раз танкист-то из меня и не получится, а получится священник, для которого знание нотной грамоты – первейшая необходимость?

На клиросе я и стал понемногу учиться всей этой певческой премудрости. Бабушки пели не по нотам, а на слух. Под их руководством я постигал церковные гласы и до сих пор не понимаю, что меня, тогда еще молодого парня, удерживало в этом старушечьем коллективе?

Помню своего первого псаломщика и регента в одном лице – бабушку Анну. Она пришла на клирос еще в 1944-м, – как вернули верующим храм, так и пришла. За долгие годы беззаветного служения от ее голоса ко времени моего прихода уже ничего не осталось. Баба Аня выдавала такие звуки, что сын только жалобно спрашивал у моей жены:

– Мама, зачем они так страшно поют?

Со временем мне доверили читать «Апостол». Моей первой наставницей на этом поприще стала послушница Мария, человек суровый и неразговорчивый. Но во время службы она преображалась: ее бесчисленные морщинки исчезали, а глаза сияли. И вообще, лица моих товарок, людей простых и неученых – бывших прядильщиц, уборщиц и крестьянок, во время пения молитв становились такими возвышенно прекрасными, что я понимал: ничего подобного за стенами хра-

ма мне не найти.

Мария учила, как нужно читать «Апостол», где должно играть голосом на повышение, где снижаться и прочитывать фразы на полурезких выдохах. До сих пор я встречаю такую практику возглашений у старых диаконов.

– Ты должен читать так, – говорила Мария, – чтобы люди, слушающие тебя, проговаривали вслед за тобой слова, которые ты произносишь, и не только понимали смысл прочитанного, но и плакали бы от умиления.

После ее смерти в память о ней мне досталась бумажная икона преподобной Марии Египетской в грубом окладе, сделанном ею самой в далекие годы, проведенные в страшных сибирских лагерях, при помощи топора. Она вообще владела им мастерски. Это я понял, когда помогал ей собирать иконостас для женского монастыря, возрождавшегося ею в одиночку.

Впоследствии меня пытались задействовать и на правом клиросе, но отсутствие необходимых музыкальных навыков так и не позволило мне влиться в стройные партесные¹ ряды.

Потом к нам на клирос пришла юная смена, состоявшая из выпускниц регентских епархиальных курсов. Хорошие девчонки, можно даже сказать, самоотверженные. Наш второй священник, отец Нифонт, получил благословение служить на праздники в одной из отдаленных сельских церквей.

¹ Партесное пение (от позднелатинского «partes» – голоса) – стиль русской и украинской многоголосной хоровой музыки XVII–XVIII вв.

Батюшка втискивал нас в «жигуленок», и мы после службы в своем храме мчались в ту маленькую церквушку. Помнится, как-то на Троицу в его машинку набилось, кроме водителя, еще восемь человек. Кто бы только знал, как благодатно было ездить с отцом игуменом! Иисусова молитва так и лилась! Неисправимый холерик по природе, батюшка, садясь за руль, всегда мчался, словно в последний раз, выжимая из машины все, на что она была способна.

Я продолжал петь басом, но вторую партию, поскольку подобрать басовую у меня не хватало умения. Сейчас понимаю, как со мной было трудно, но девочки-певчие терпели, как прежде бабушки. А я был уверен, что чем ниже мне удастся прорычать и чем более мой рык будет походить на буддийское горловое пение, тем лучше. Как же я был восхищен, когда при возглашении протодиакonom многолетия в гродненском кафедральном задрожали стекла! Как мне мечталось достичь таких высот!

Может, и пропел бы я счастливо всю свою жизнь на клиросе родного храма, если бы не случай в лице моего знакомого по имени Николай. Коля, как говорится, прошел суровую школу жизни и к своим двадцати пяти уже побывал в местах заключения, но Бог милостив, и мой знакомец пришел в Церковь. Мало того, что пришел, он еще и трудиться начал. В его голове постоянно роились какие-то благочестивые прожекты. То он задумал строить часовенку во имя тогда еще не прославленной святой, то решил издавать право-

славную газету. Но все его инициативы, как я понял уже впоследствии, были неизменно связаны с кампаниями по сбору пожертвований на благие дела. Сначала ему со всех сторон нашего отечества шли денежные переводы на часовню, но часовня так и не появилась. Потом то же самое произошло и с газетой, хотя, правда, несколько номеров ему все-таки выпустить удалось.

Деньги, собранные на святое дело и часто уходившие не по назначению, словно древоточцы, стали подтачивать и разрушать душу моего товарища. Хотя, уверен, желания у него были искренними. Коля стал пить и быстро пристрастился к этой пагубе.

Тогда же для повышения авторитета своей газеты он решил получить благословение правящего владыки. И предложил мне, как помогающему в ее выпуске, съездить вместе с ним в митрополию. Я согласился, и мы поехали. По дороге Коля хвастался, что знаком со всем руководством епархиального управления и получить благословение для него – пара пустяков.

Когда мы шли по областному центру, Николай оживленно рассказывал мне о чем-то. Неожиданно он остановился у ларька и, извинившись, купил бутылку пива, которую сразу же и выпил, не отрываясь, из горлышка.

– Ты что делаешь?! – спрашиваю. – Как же мы теперь в епархии появимся? От тебя же за версту несет!

Он улыбнулся:

– Ничего страшного, прорвемся! – и снисходительно похлопал меня по плечу.

Прошли мы еще метров двести. Мой спутник, незаметно отстав от меня, снова покупает бутылку пива и вновь, несмотря на все мои протесты, и уже без всяких извинений, точно так же вливает в себя ее содержимое. Сперва он, не обращая на меня внимания, чему-то глуповато улыбался, а потом и вовсе куда-то пропал. Короче говоря, у ворот епархиального управления я оказался в одиночестве.

Что было делать? Идти просить благословения для газеты, которую не издавал, или возвращаться домой несолоно хлебавши? «Ладно, – думаю, – зайду, ведь для чего-то я сюда ехал!» Зашел в управление и попросил проводить меня к отцу секретарю, дружбой с которым всю дорогу хвастался несчастный Николай.

Батюшка оказался на месте, и он действительно помнил моего шального друга. Мы поговорили о Коле, а потом он заметил:

– Для того чтобы издавать православную газету, нужно много чего знать, и прежде всего знать само православие. Приятель твой – бывший уголовник, а ты-то что из себя представляешь?

Когда он узнал, что я учусь уже на последнем курсе Свято-Тихоновского богословского института и несколько лет пропел на клиросе, его отношение ко мне изменилось. Он велел мне подождать в кабинете, а сам куда-то вышел. Потом

вернулся, не говоря ни слова, взял меня за руку и повел, как потом оказалось, к самому владыке.

Иерарх принял меня радушно. Поговорив со мной и не особенно интересуясь моими собственными планами на будущее, представил сидевшим в кабинете:

– Отцы, готовый диакон – и с образованием, и с опытом клиросного послушания! Просто замечательно. Так что готовься, дорогой, к хиротонии!

Вот такой снег на голову... Ехал за одним, а получил совершенно другое.

Но легко сказать – готовься! Ведь теперь мне нужно было в кратчайший срок освоить премудрость диаконского искусства! Перед моими глазами стояли гродненский протодиакон и стекла храма, дрожавшие от его могучего голоса.

Других примеров диаконской практики на моей памяти почитай что и не было.

Пошел к отцу Нифонту:

– Батюшка, мне велено готовиться к хиротонии, а учителя нет. Может быть, вы меня послушаете и что-нибудь посоветуете?

Отец игумен оживился и решил меня здесь же и немедленно испытать.

– Так-так, – забегал он вокруг, – а произнеси-ка нам первый возглас малой ектеньи!

Я набрал в грудь воздуха и добросовестно пробасил:

– Паки и паки...

Батюшка, как мне показалось, посмотрел на меня то ли с испугом, то ли с удивлением. Потом, словно собираясь с мыслями, он быстро-быстро потер рука об руку и, подняв вверх указательный палец правой руки, глубокомысленно произнес:

– Надо тренироваться!

Понятное дело, что дома басить несподручно, и большей частью «тренироваться» мне приходилось на работе. Особенно удобно это было делать по ночам, когда все спят и лишние по горке не ходят. Оставшись на рабочем месте в одиночестве, можно было практиковаться беспрепятственно. Только лесной филин был единственным свидетелем моих экзерциций.

Горку нашу намывали при помощи специальных приспособлений, из-за чего вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось огромное болото. Деревья большей частью погибли, но кое-где оставались стоять. Вот на такой высоченный ствол мертвой березы с обломанной верхушкой повадился по ночам прилетать большой лесной филин. Он садился на него сверху и подолгу не улетал, несмотря на окружающий шум и яркий свет прожекторов. Со временем мы к нему привыкли и даже дали ему прозвище – Ушастый. Иногда он начинал «ухать». И, даже зная, что это кричит наш Ушастый, становилось немного не по себе.

Как-то от одного машиниста я услышал, что о горке стали поговаривать как о месте не то чтобы нечистом, но неспо-

койном.

– Рассказывают, что там у вас по ночам слышатся какие-то непонятные звуки, и от этих звуков людям становится не по себе.

– Так это наш филин кричит, – успокоил я коллегу, – ничего страшного, он ласковый. – И в то же время, после разговора с товарищем, работая в ночную смену, я стал как-то непроизвольно все чаще и чаще оглядываться, а, оставаясь на горке в одиночестве, в ответ на непонятные шумы, словно невзначай, начинал читать 90-й псалом.

Такое мое поведение стало меня раздражать. «Без пяти минут диакон, – стыдил я самого себя, – и впадает в какие-то примитивные суеверия!» В то же время я тревожно всматривался в сторону окружавших нас непроходимых болот.

Однажды, как обычно ночью, я снова тренировался произносить ектеньи, решив начать с уже привычного «паки и паки...». На улице было темно и тихо, стоял легкий морозец, но совсем неколючий. Для разминки я попробовал голос в нашей будке для обогрева. Будка была старая, и окна в ней держались кое-как. Всякий раз, когда мимо проходили вагоны, стекла начинали дребезжать. Вспоминая протодиакона из гродненского собора, я за критерий подлинного диаконского профессионализма брал именно его способность заставить дребезжать оконные стекла. Конечно, маленькая будка, это вам не огромный кафедральный собор, но и я, простите, не протодиакон!

Всякий раз, начиная распеваться, я в надежде прислушивался к нашим стеклам, но басить и одновременно фиксировать еще и какие-то сторонние звуки нелегко. Хорошо было бы, конечно, подключить кого-нибудь из наших ребят, чтобы следили за состоянием окон, но мне было как-то неудобно, – боялся насмешек.

Не зажигая свет, я встал с лавки и протрубил возглас. Неожиданно рядом с будкой раздался визг и шум падающего на асфальт тяжелого предмета. Потом визг, как мне показалось, перешел в поросячье хрюканье и звук быстро удалявшегося топота копыт. Была зима, но территория вокруг нашей будки расчищалась до асфальта, а звук поросячьих копытец я не спутаю ни с чем.

Тогда-то мне и вспомнилось предупреждение машиниста. Вот оно, началось! Нечистая сила... Немедленно откуда-то из глубин памяти стали угодливо всплывать описанные Гоголем жующие свиные рыла, Вий с вурдалаками, красная свитка... Да и как им не появиться, если человек готовится к принятию священного сана?!

Враг ходит вокруг каждого из нас, а уж вокруг завтрашнего диакона – их наверняка целый хоровод! Но возгласа-то все-таки испугались! Да и я, по правде говоря, тоже струхнул...

В тот момент мне стало понятно, что означает выражение: «волосы встали дыбом». Не помня себя, я мгновенно оказался на столе и, поджав под себя ноги, принялся в голос чи-

тать «Да воскреснет Бог...». Как, однако, полезно знать такие молитвы!

Прислушался. За окном вновь стояла мертвая тишина, и решил я осторожно выйти из будки, чтобы поглядеть вслед умчавшимся бесам.

Тихонько слезаю со стола и, подойдя на цыпочках к двери, осторожно, чтобы не скрипнула, начинаю ее открывать. Так же крадучись выхожу на улицу, и тут мне в спину бьет жуткое, душераздирающее уханье филина.

– Ты еще тут, Ушастый! – закричал я в негодовании. – Молчи, и без тебя тошно! Скорее бы уж кто-нибудь из ребят приехал...

Принялся искать какие-нибудь следы, но все было чисто, никаких отпечатков копыт. Ну и дела... Ладно, думаю, рассказывать ничего никому не стану, лучше в следующую ночь вокруг будки святой водичкой покроплю.

Недели через две мне пришлось выйти с другой сменой в сортировочный парк. Когда во время работы я зашел в пункт обогрева попить чайку, то, кроме дежурного охранника, лежавшего на лавке, в помещении никого не было. Узнав, что я с горки, он сразу же сел и с интересом переспросил:

– Ну да, с горки? Вот так так...

– А что в этом особенного? – спрашиваю. Охранник подсел ко мне с заговорщицким видом:

– Да местечко у вас там не-хо-ро-шее! – Он сделал ударение на последнем слове, проговорив его отчетливо, по сло-

гам.

Мое сердце замирает в предчувствии прикосновения к тайне.

– А кто это говорит?

– Да я тебе говорю! – Он даже привстал от волнения. – Ты понимаешь, недели две назад я проводил груз и возвращался на дежурный пункт. Ночь изумительная, тепло, безветренно. Работы почти нет. Тишина... Иду, думаю о своем – и вдруг! Возле самой будки у вас на горке кто-то как заорет! И так страшно, не по-человечески. От этого крика у меня в груди все задрожало, затряслось. Мужики и раньше предупреждали, что, мол, там, на горке, что-то не то творится. От неожиданности я поскользнулся и упал. Пытался кричать, но от страха горло перехватило, я – на четвереньки и наутек. А тут еще вслед захохотали по-сумасшедшему, словно филин закричал. Короче, еле ушел! Только потом о пистолете вспомнил. Да разве в таком деле пистолет поможет? Здесь серебряные пули нужны...

Слушаю его и начинаю понимать, что передо мной сидит жертва моего диаконского искусства, тот самый «поросенок», что от страха захрюкал у меня под будкой. Выходит, это от него я святой водой спасался! Что же получается? Старался, тренировался, репетировал, а в результате чуть было до инфаркта не довел человека, да и по станции нехорошие слухи пошли. Хорошо, что есть Ушастый – существо бессловесное, если что, всё на него свалим...

Уже потом, во время сорокоуста я пришел к выводу, что и в большом храме, и в алтаре, наглухо отделенном от всего остального пространства иконостасом, меня не слышно. Мой бас утонул в шубах прихожан. И тогда по наитию я стал возглашать ектеньи все выше и выше. У меня открылся тенор, и недурной. Более того, к концу сорокоуста я был способен перейти уже чуть ли не на фальцет.

Но через какое-то время меня снова стал занимать все тот же вопрос: а от тенора стекла могут дрожать или нет? Понятно, что во всем нужна тренировка... Уже было подумывал начать, но велели готовиться к священнической хиротонии. А для священника, дрожат ли стекла во время его проповеди или нет, вопрос непринципиальный.

Немножко о главном

Звонит телефон, в трубке раздается женский голос:

– Батюшка, у меня брат умер некрещеным в шестьдесят четыре года. Нужно хоронить, а там, где он жил, священник земличку не дает, ругается, что вовремя не позвали, родных из храма прогнал. А маме уже восемьдесят шесть, очень скорбит, боюсь, как бы сама не померла. Ты уж выручи, родной, дай нам землю, маму жалко! Она же не виновата, что так получилось... Его бы тогда, в детстве окрестить, да церкви рядом не было. А когда вырос, стал коммунистом. Бога не признавал и креститься отказался. Но, батюшка, человек он был хороший, даже очень хороший. Вот что бы его не отпеть? Ведь таких, бывает, негодных людей отпеваете только потому, что когда-то в детстве их окрестили, а брата моего не соглашаетесь, так хоть земельку дайте!

Я не стал с ней спорить: чем бы я смог ее переубедить? Уверенность женщины в том, что эта «земелька» поможет, пускай не брату, так хотя бы матери, была непоколебима.

Эх, если бы отпевание, совершаемое мною, спасало человеческую душу, то я бы, наверное, только бы и делал, что отпевал, отпевал и отпевал! И некрещеных, и самоубийц, и всех подряд, лишь бы спасти их от страданий. Только спасает-то не батюшка и не «земелька», спасает Христос. Ради этого спасения человек и присоединяется к Церкви через

крещение.

Но неужели для спасения души достаточно однажды в глубоком детстве быть принесенным мамой в храм? Человека младенчиком крестили, а потом, после прожитой им жизни, точно так же принесли все в тот же храм, но только уже для отпевания. А что между этими двумя событиями? Ну, может быть, человек заходил в церковь и ставил Богу свечку, и, может, даже не одну: «Господи, дай мне то, о чем я прошу, а я Тебе за это буду ставить свечи, много свечей!» Когда-то в детстве и я точно так же торговался с Ним перед тем, как впервые войти в самолет: «Господи, я тебе две свечки поставлю, Ты только дай мне благополучно долететь!», а когда стали взлетать, так готов был раскошелиться и на три. Словно наш Господь, как сладостна конфетами, «объедается» – реже восковыми, а так все больше дешевыми парафиновыми палочками. Смешно...

Если с тех пор, как человека младенцем крестили, до того времени, как стариком отпели, его больше ничто с Богом не связывало, то, честное слово, люди напрасно тратят силы, нервы и деньги. Даже если человек был хорошим, но далеким от Христа, он не спасется, и никакая «земелька» здесь не поможет, хоть ведрами ее сыпь...

Читая жития святых, я обратил внимание: а ведь многие святые так и не успели принять водного крещения. Когда бы они это сделали, если были казнены сразу же, как исповедали свою веру перед гонителями? О таких людях говорят, что

они крещены кровью. Вместо крещения водой и Духом они крестились кровью и Духом. Для древних христиан умереть за веру было так же естественно, как и жить в ней. Мы называем таких людей мучениками или свидетелями, свидетелями веры. Их готовность скорее вынести страдания и принять смерть, нежели отказаться от Христа, как раз и свидетельствовала о том, что без веры земная жизнь теряла для них всякий смысл.

Интересно, а мы, сегодняшние, понимаем ли, что делаем, когда крестим своих детей или крестимся сами? Способны ли мы стоять за свою веру до конца или для нас это только игра в следование традициям? Конечно, кто-то скажет: «А при чем тут это? Мы, слава Богу, уже в двадцать первом веке живем, и вся эта дикость осталась в прошлом». Но кто в начале прошлого столетия мог подумать, что всего через несколько лет начнутся казни христиан – невиданные по своим масштабам за всю историю человечества, да еще и сопряженные с пытками, как в Средневековье?

В моем понимании, крещение для взрослого человека – это пересечение им некоего духовного Рубикона, после которого возврата уже нет. После крещения многое из того, что ты делал раньше, должно быть забыто. Отныне жить нужно только по Христу.

Во время крещения я всякий раз предлагаю крестным «дунуть и плюнуть» на сатану. Это предложение почти неизменно вызывает у людей если не смех, то хотя бы улыбку. А

ведь дуновение – это экзорцистский прием, широко распространенный еще в древности.

Вспоминаю, как крестил в свое время одну молодую женщину. Мы были в храме втроем: я, она и ее друг. Так вот, когда я подул на нее, колени у женщины подкосились, она стала оседать на пол и терять сознание. После того как мы привели ее в чувство, я еще дважды совершал дуновение, и она всякий раз падала в обморок.

Как-то, прежде чем плюнуть на сатану, один студент, который длительное время готовился к крещению, вдруг серьезно заявляет: «А может, не нужно на него плевать? Зачем мне с ним отношения портить?» Впервые я тогда столкнулся со столь дальновидным человеком. Сразу же вспомнилась притча.

Старушка любила молиться перед иконой Георгия Победоносца. Георгию она всегда ставила свечу, а змею неизменно показывала фигу. И вот как-то во сне видит она змея, а тот и говорит: «Ничего, бабушка, я еще подожду, а потом мы с тобой поквитаемся!» С тех пор бедная женщина ставила уже две свечи перед иконой: одну – святому, а другую – змею, – так, на всякий случай...

Во время крещения человек посвящает себя или своего ребенка служению добру и навсегда отрекается от зла. Впрочем, кто как... Однажды после службы к амвону подходят две женщины, у одной на руках – дитя.

– Батюшка, покрестите нашего малыша, нас «бабушка»

без крещения не принимает.

Я отвечаю:

– Да вы понимаете, о чем вы меня просите? Мы дитя окрестим, посвятим его Богу, и вы тут же отнесете его к ворожее? Для колдуньи я ребенка крестить не стану!

– Какой ты злой, бабушка! – отвечает одна из женщин.

– А «бабушка» добрая? Почему бы не «помочь» некрещеному ребенку? Ей не ребенок нужен, ей над святыней поглотиться хочется.

Вот вам и плевков с противоположной стороны...

Русская женщина обращается ко мне:

– Не могли бы вы окрестить ребенка из мусульманской семьи? Родители – таджики, находятся здесь на заработках. Родилась дочь, и они хотят ее окрестить.

Отвечаю:

– Конечно могу, но зачем? Мы девочку окрестим и отдадим на воспитание родителям-нехристианам. Кто ее будет потом вере учить? Пройдет какое-то время, никто и не вспомнит, что ребенка крестили. Ведь мы должны крестить детей из верующих семей. А уже родители обязаны учить детей вере, воспитывать их на основе заповедей и, самое главное, причащать своих ребятишек. И чем чаще, тем лучше! Если же ничего из этого не делать, то и крестить детей незачем.

Иногда между матерью и отцом нет согласия по вопросу крещения младенца. Мне кажется, что в таком случае не сто-

ит одному из родителей спешить и тайно крестить ребенка. Нельзя начинать воспитание будущего христианина с обмана. Сегодня гонений, слава Богу, нет, вырастет – сам решит. Все будет зависеть от той же мамы-христианки: сумеет ли она воспитать дитя так, чтобы ребенок сознательно пошел по ее стопам?

Еженедельно провожу встречу с теми, кто собирается крестить детей. Помню, приходит пара молодых родителей. Я им рассказываю об их обязанностях, связанных с христианским воспитанием. «В храм, – говорю, – нужно чаще ходить». А те мне докладывают, что мамочка не может в церкви стоять, в обмороки падает, а папаша крест не носит. Вот такое поврежденное поколение...

Или случай с крестной. Перед крещением замечаю, у крестной мамы на шее висит множество подвесочек, а крестика нет. Интересуюсь:

– А где же ваш крест?

– Батюшка, не ношу, простите великодушно, но он меня душит.

Вот так крестная! Люди не понимают, какой тяжеленный крест возлагают на себя, становясь восприемниками. Ты еще своего ребенка в вере не вырастил, а уже за чужого отвечать берешься! Осилишь? Если не будешь хотя бы молиться за крестника, то придет время, и ты ответишь за необдуманные слова. Тебя же никто не заставляет становиться крестным. Обещать что-то Богу, заведомо зная, что обещанного не ис-

полнишь? Зачем?..

Иногда в качестве крестных приглашают католиков, а то и мусульман. Спрашиваю:

– Разве католик и уж тем более магометанин станут учить вашего сына или дочь православию?

– Батюшка, это – мой деловой партнер, мне с ним в интересах бизнеса хорошо бы породниться. – И «копеечку» пытается незаметно сунуть.

А однажды приводят крестного папу – молодого человека в шортах, в несвежей майке и в сандалетах на босу ногу. Правда, на шее – золотой крест чуть меньше моего наперсного, висящий на соответствующей цепи. Спрашиваю у родителей:

– Что же для такого ответственного момента вы никого приличнее не нашли?

Крестный услышал и взорвался. Ругается и блатной распальцовкой у меня перед носом размахивает. Снова обращаюсь к родителям:

– И вам действительно подходит такой крестный?

Те мне тихонько:

– Батюшка, крести, у него денег – куры не клюют!

Понятно. Надо – берите. Я в таких случаях с родителями не спорю. Зачем? Разве мне дано их переделать? Только обозлятся. Пускай жизнь учит...

Порой люди не могут преодолеть свое чувство брезгливости и страх перед возможной инфекцией и причащаться с

одной ложечки вместе со всеми. Я сам человек по природе брезгливый и никогда не стану в кафе или столовой пользоваться плохо вымытой посудой. Возмущаться и скандалить не стану, а просто пойду и помою еще раз. А вот в храме причащаю всех одной ложечкой. И мало того, после службы потребляю все, что осталось в чаше. Омываю сосуды и ложечку кипятком и опять-таки всю эту воду не выливаю, а выпиваю. Ничто, даже самая малая капелька святыни, не должно пропасть! И если другие люди могут лишь догадываться о состоянии здоровья тех, кто пришел на причастие, то я представляю себе его очень хорошо. Сегодня путь человека в Церковь все чаще лежит через болезни и страдания. Вот после всех больных – и раком, и СПИДом, и гепатитами священники последними потребляют Дары. И я не знаю ни одного случая, когда бы хоть кто-нибудь из них заразился! Если бы было по-другому, всеильная СЭС «размазала» бы в советские годы и последние наши храмы. В то время подошел бы любой предлог. Дело в том, что Дары, имея земную природу, после освящения начинают подчиняться небесным законам, и все то недоброе, что попадает от нас в Чашу, немедленно прекращает существовать.

Часто людей заботит: «А как нам нужно одеться, идя на крещение?» Всегда отвечаю: «Одевайтесь прилично, а уж как? Ну, как сможете...» Никогда не прогоняю женщин в брюках. Помню, разговорился с одной девушкой. А у нее, оказывается, в гардеробе и юбки уже нет ни одной. Ничего,

та, кто решит в храме остаться, со временем и юбочку себе сошьет, а заставлять никого не нужно. Христос никогда не действует через насилие.

Почему-то часто считают, что в храме самое главное для женщины – покрывать голову платочком. Посмотришь, летом заходят дачницы, а вместо косынки – носовой платок на темечке. Как будто женская макушка для мужчины – самое соблазнительное место! Встанет перед иконой такая красотка в мини-юбке с платочком на головке, помолится, поклонны положит. А всем сзади нее стоящим мужикам – куда глаза девать? Это только святые ничего не видят, а мы, грешные, все замечаем, и, вместо того чтобы молиться, мужская половина начинает отвлекаться. Покрыться для женщины – значит никак не обращать на себя внимания, а не только на голову носовой платочек положить. Посмотрите, как на иконах изображают Пресвятую Богородицу. Так в ее время одевались благочестивые женщины: просто, и в то же время величественно.

Нередко слышу такие вопросы: «Батюшка, как часто нужно в церковь на службы ходить? Достаточно ли будет прийти раз в месяц, или все-таки следует почаще заглядывать?» Не знаю, что и ответить... Верующего человека всегда тянет в храм, ему без дома Божия – невмоготу. К тому же воскресный день мы в любом случае должны начинать с молитвы в храме. Зачем? Да очень просто: после двух часов, проведенных в церкви, ты уйдешь в мир на целую неделю, и какой ты

на самом деле христианин, проявится именно вне храмовых стен. В церкви мы все дружелюбны, радушны, улыбаемся и любим друг друга. А в миру – такие, какие есть. Так вот, чтобы иметь силы быть христианином, нам и нужно надышаться святыней за эти два воскресных часа, иначе где же силенок набраться?

Женщина лет сорока плачет в храме: «С дочкой что-то происходит! Как оформила себе паспорт на другое имя, так все и началось. Дерзкой стала, непослушной, покуривает, домой вовремя не приходит. Батюшка, может, давай ее перекрестим, может, она вновь станет доброй и любящей девочкой?» «Эх, мать, – думаю, – если бы все было так просто, то мы бы непременно так и поступали. Только крестят человека один-единственный раз, а потом всю жизнь учат его быть человеком и начинают эту учебу сразу же по рождению и без отрыва от маминой веры и маминой молитвы.

Объяснил я все это матери и посочувствовал ей:

– Теперь мужества тебе, сил и любви к дочери, чтобы преодолеть то, что сама же в ней и вырастила!

– Батюшка, мне же об этом никто никогда не рассказывал! Если бы я это тогда, сразу же после крещения, знала, то и с дочерью у меня было бы сейчас все по-другому...

Вот я и рассказываю.

Чудеса

Тетя Валя, моя бывшая соседка, всякий раз, как ложилась в больницу, звала меня ее причащать. Сама она в храм не ходила – не могла выстоять службу. Когда-то, уже в зрелом возрасте, пришла в храм и простояла всю службу, не сходя с места. Подошвы ног у нее потом горели, и после этого она не смогла себя заставить прийти еще хотя бы раз. «Разве можно объять необъятное?» – спрашивал я ее тогда. В Церкви нельзя на «забег» длиной в целую жизнь выбегать как на стометровку. Нельзя с ходу, наскоком постичь Бога нашим поврежденным сердцем и судить о Церкви пораженным страстями умом.

В больницу, считала тетя Валя, батюшка уже сам обязан идти. Каждый год тяжелейший бронхит укладывал ее на больничную койку, и всякий раз, только причащаясь Святых Христовых Таин, она возвращалась к жизни. Так было несколько лет подряд, а в итоге подвело сердечко, прямо на Благовещение.

В одно из таких посещений я захватил с собой лишнюю частичку Святых Даров. Спрашиваю медсестру: «Нет ли у вас какого-нибудь безнадежно больного, но только чтобы в разуме был человек?» Думаю: все равно мне потом его отпевать, может, кого и подготовить получится. С этим у нас плохо – не хотят люди уходить из жизни по-христиански. Откла-

дывают исповедь и причастие на такое «потом», что остается только руками разводиться. Боятся батюшку пригласить, при-
мета, мол, плохая. Если пригласишь – непременно помрешь.
Без него еще, может, и выкарабкаешься, а с попом – уже точно не жилец!

Иногда отказ от причастия мотивируется брезгливостью. Старенькая бабушка, лет за восемьдесят, раковая больная, страдает от водянки, разлагается уже при жизни.

– Мать, давай батюшку пригласим, покаяться тебе нужно, святыню принять!

– Нет, брезгую я из одной ложки!

А то, что ею самой могут побрезговать, до сознания человека не доходит... Провели меня в палату. В ней отдельно, видимо, чтобы не смущать других больных, тихо умирала женщина. Помню, звали ее Ниной. Взгляд – безучастный ко всему, голос еле слышен. Сестра говорит мне: «У нее пролежни уже до костей». Я потом видел их, Нина сама мне показывала. От копчика до поясницы и на пятках – широкие полосы, цветом напоминавшие офицерский ремень. Не было у нее ни газет, ни книжек, ни телевизора, не стояли на тумбочке и обычные в таких местах маленькие иконочки. Я присел рядом и спросил у Нины: «Вы верите во Христа?» Она сказала, что много слышала о Нем, но конкретно ничего не знает. Я рассказывал ей о Христе, о Его любви к человеку, о Церкви, которую Он основал и за которую умер. Она внимательно слушала меня, и когда я спросил ее, не хочет

ли она принять Святое причастие (а тянуть с предложением было нельзя – никто не знал, доживет ли она до завтрашнего дня), Нина согласилась. Она действительно принесла покаяние, как смогла, конечно, и причастилась. Перед причастием я предупредил ее, что Бог волен сохранить ее на земле, но она должна обещать Ему, что оставшуюся часть жизни проведет в храме. Нина пообещала: если выживет, то будет жить совсем другой жизнью, и заплакала.

Потом я приходил к ней еще раз, принес Евангелие. Когда вошел в палату, увидел Нину стоявшей у окна. Удивительно, но после причастия ее состояние совершенным образом изменилось. Нина внезапно и резко пошла на поправку, ей осталось только залечить пролежни и выписаться домой. Наши медики не могли объяснить причину столь непонятного выздоровления фактически обреченного на смерть человека. На их глазах произошло настоящее чудо.

С тех пор я нередко встречал Нину в поселке и ни разу не видел в храме. Я напоминал женщине об обещании, данном ею перед причастием, но она всякий раз находила причину, почему до сих пор не нашла времени даже просто зайти в храм. Почти год Нина докладывала мне о своих успехах на даче: «У меня трое мужиков, батюшка, мне их всех кормить нужно, вот и тружусь не покладая рук!» Где бы ни происходила наша встреча, Нина всегда бурно приветствовала меня. Я напоминал ей о ее словах, сказанных на смертном одре. «Неужели ты не понимаешь, что если не исполнишь

свое обещание, то умрешь?» Нина на мои слова всегда как-то отшучивалась, пока уже поздней осенью, после окончания всех сельскохозяйственных работ, не сказала мне жестко и определенно: «Я никогда не приду к тебе в храм. Неужели ты этого до сих пор не понял? Я не верю ни тебе, ни в твоего Христа».

Не знаю, как сейчас живет Нина, и жива ли она вообще. Но я больше не встречал ее в поселке. Никогда с тех пор не встречал...

Недавно друзья отвезли меня к одной моей старой знакомой, назову ее Надеждой. Мы виделись с ней года три назад. Надежда по-человечески очень несчастна. В свое время болезнь сделала ее кости настолько хрупкими, что почти каждое падение приводило к какому-нибудь перелому. А потом еще и злокачественная опухоль в довершение всех бед... Муж ее к тому времени уже умер, детей супруги не нажили, да и из родственников практически никого не осталось. Надежда была обречена на одинокую и мучительную кончину, если бы не встретила гастарбайтера из Узбекистана по имени Камил. Не знаю уж, что могло привлечь Камилу в Надежде, но сам он, человек немолодой и одинокий, взял на себя заботу об этой несчастной женщине. Камилу я знал хорошо, он целый сезон отработал у нас, ремонтируя колокольню. Правда, тогда я не разглядел в нем тех качеств, о которых узнал потом. Так вот, именно Камил заявил Надежде о необходимости пригласить к ней на дом отца, так меня называли на-

ши строители-узбеки. «Отец помолится, и тебе станет легче, – убеждал он Надежду. – Нужно молиться, Надя. Я буду молить Аллаха, а ты молись Христу, и Он тебе обязательно поможет!»

Надежда впоследствии рассказывала мне, как Камил убеждал ее начать молиться и как ей было трудно преодолеть свое неверие и решиться на разговор со священником. Прежде она ни во что не верила, зализывала в одиночестве свои раны и готовилась умирать. Все в ее жизни было жестко и определено, а тут вдруг какая-то ирреальность... И так, друзья привезли меня домой к Надежде. Она знала, что я буду предлагать ей принять причастие, а для этого ей нужно было хотя бы не курить с утра, но она, конечно же, выкурила пару сигарет. Помню, как суетился Камил, как он был рад принимать отца в качестве почетного гостя в своем доме.

Надежда лежала в постели с очередным переломом. Общий язык мы с ней нашли на удивление легко. Она всю жизнь проработала простым маляром на стройках, а я десять лет – рабочим на железной дороге. Это обстоятельство нас, наверно, и сблизило. Она думала, что увидит перед собой нечто из другого мира, а пришел такой же работяга, как и она сама, и нам было о чем поговорить. Я рассказывал ей о Христе и Его страданиях, а она мне – о своих болях. В конце концов я услышал от нее то, чего ждал. Она сказала, что хотела бы верить во Христа и, наверно, стала бы христианкой, но, очевидно, не судьба... «Надежда, – ответил я ей тогда, –

если ты действительно Ему поверишь, то Он может сохранить тебе жизнь и поставить на ноги. Но потом ты уже не выйдешь из храма. Если ты на это твердо решишься, все так и произойдет». Она обещала.

Удивительное дело, но думаю, что Надежда исцелилась по вере мусульманина-гастарбайтера. Ее нога немедленно срослась, и женщина впервые за несколько лет вышла из дома без костылей. Дальше – больше, ее сняли с учета как онкологическую больную. Прошло больше года; она ходила по городу, посещала друзей, но так и не нашла времени хоть раз зайти в храм, что стоит рядом с ее домом. Чудеса...

Чем можно объяснить такую неблагодарность тому, Кто только что так волшебным образом даровал тебе еще один шанс на жизнь? Понятное дело, даровал не ради телевизора с его бесконечными сериалами и прочей ерунды, а на покаяние. Я знал, что ее болезнь вернется. Так и случилось: вновь – больничная койка и кучи лекарств. Спасибо, что хоть Камил не оставляет – вот уже десять лет живут вместе.

И вот на первой неделе Великого поста Надежду привезли к нам на службу. Снова мы разговаривали с ней о грехе, снова я готовил ее к причастию. Она знала, что будет причащаться, знала, что ей нужно хотя бы утром воздержаться от курения, но, конечно же, накурилась. Иного я и не ожидал, но, тем не менее, допустил к причастию, потому что, возможно, это ее последняя возможность побывать в храме. Причащал и думал, а вдруг Господь даст ей еще один шанс?

Кто знает, но я почему-то сомневаюсь...

Иван

Помню, как он впервые пришел к нам в храм: такой забавный мужичок-лесовичок. Небольшого роста, полный. Робко подошел ко мне и попросил поговорить с ним. Сказал, что тяжело болен и жить ему осталось недолго. «Если сделать операцию, врачи говорят, проживу еще шесть месяцев, а если не сделать, то полгода, – невесело пошутил он. – За свои шестьдесят шесть лет я как-то никогда не задумывался ни о жизни, ни о смерти, а вот сейчас хочешь не хочешь, а нужно готовиться. Помоги мне, батюшка!»

Он стал часто бывать на службах, читал Евангелие. Регулярно причащался, но одного я никак не мог от него добиться: очень уж мне хотелось, чтобы он по-настоящему покался. Не так, как часто говорят люди, приходя на исповедь: «Грешен». Спросишь: «В чем?» Ответ: «Во всем». И молчок, «зубы на крючок». И как ты его ни раскачивай, ну не видит человек в себе греха, хоть ты его палкой бей!

Мы каждый день молимся молитвами святых. А ведь они себя самыми грешными считали. Читаешь: «Я хуже всех людей» – и думаешь: «Что, неужели хуже моих соседей?» Не понимаем мы, что чем выше поднимается в духовном плане человек, тем больше ему открывается его несовершенство, греховность его натуры. Это как взять листок бумаги и поднести его к источнику яркого света. С виду листок весь бе-

лый, а на свету каких только вкраплений не различишь! Вот и человек – чем ближе становится он ко Христу, тем больше видит в себе дряни.

Но никак я не мог внушить эту мысль Ивану. Нет у него грехов, и все тут! Вроде и искренний человек: старается, молится, а ничего в себе увидеть не может. Долго мы с ним боролись, может, и дальше бы продолжали, да срок поджимал. Начались у Ивана боли, стал он в храм приходить все реже. По-человечески мне его было жаль, но ничего не поделаешь. Бог его больше моего пожалел, дал такую язву в плоть! Неужели было бы лучше, если бы он умер внезапно, например во сне? Вернулся бы из пивной или из гаража, прилег бы вздремнуть и больше бы не проснулся? Господь ниспослал ему болезнь во спасение, и мы обязаны были успеть.

Однажды раздался звонок: «Батюшка, Иван разум потерял! Можно ли его причастить? Всякий раз после причастия ему становилось легче». Поехали в его деревеньку. Дом их стоит на отшибе, метрах в ста от остальных. Захожу и вижу Ивана. Сидит на кровати (он уже не мог встать), доволен жизнью, улыбается. Увидел меня, обрадовался, а потом задумался и спрашивает: «А ты как попал сюда? Ведь тебя же здесь не было». Оказывается, метастазы, поразив головной мозг, вернули его сознание ко времени тридцатилетней давности. Иван сидел у себя на кровати, а вокруг него шумел своей жизнью большой сибирский город, в котором он когда-то жил. Он видел себя сидящим на зеленом газоне, кру-

гом проносились и сигналили машины, мимо сновали люди. Все были заняты своими делами, и никто не обращал внимания на Ивана. Вдруг он увидел напротив себя на этом же газоне священника, к которому он подойдет только через десятилетия.

– Неужели и ты был тогда в моей жизни?

Я решил немного подыграть ему и ответил:

– Да, я всегда был рядом. А сейчас давай будем собороваться, и я тебя причащу.

Он охотно согласился. За эти полгода Иван полюбил молиться. Через два дня, утром в воскресенье перед самой литургией я увидел его входящим в храм. Он был в полном разуме, шел ко мне и улыбался.

– Батюшка, я все понял! Я понял, чего ты от меня доби- ваешься!

Наконец, мне довелось услышать настоящую исповедь, ту самую, которой так долго ждал. Я его разрешил, он отстоял службу, причастился и только после этого уехал. Перед отъездом сказал: «Приди ко мне, когда буду умирать». Я обещал.

Через день мне позвонила его дочь:

– Вы просили сообщить, когда отец начнет умирать. Он периодически теряет сознание.

Я вошел к нему в комнату. Иван лежал на спине и тихо стонал. Его голова раскалывалась от боли. Я присел рядом и тихонько позвал:

– Иван, ты слышишь меня? Это я. Я пришел к тебе, как и обещал. Если ты меня слышишь, открой глаза.

Он открыл глаза, уже помутневшие от боли, посмотрел на меня и улыбнулся. Не знаю, видел он меня или нет. Может, по голосу узнал. Улыбнувшись в ответ, я сказал ему:

– Иван, сейчас ты причастишься в последний раз. Сможешь?

Он закрыл глаза в знак согласия. Я его причастил, и умирающий погрузился в забытие. Уже потом его вдова сказала мне по телефону, что Иван пред кончиной пришел в себя.

– У меня ничего не болит, – сказал он, улыбнулся и заснул.

Отпевал я его на дому, в той комнате, где он и умер. Почему-то на отпевании никого не было. Видимо, время было неподходящее.

Я взглянул на Ивана и остановился в изумлении. Вместо добродушного простоватого мужичка-лесовичка в гробу лежал древний римлянин, и не просто римлянин, а римский патриций.

Лицо изменилось и превратилось в лик. словно на привычных узнаваемых чертах лица проступило новое внутреннее состояние его души. Мы с тобой успели, Иван...

О, великая тайна смерти, одновременно и пугающая, и завораживающая! Она все расставляет по своим местам. То, что еще вчера казалось нам таким важным и нужным, оказывается не имеющим никакой цены, а то, на что прежде и внимания не обращали, становится во главу угла всего на-

шего бытия – и прошлого и будущего. Не нужно плакать об умерших: дело сделано, жизнь прожита. Нужно жалеть живых, пока есть время. А оно обманчиво, течет незаметно и заканчивается внезапно. Там времени нет, там – вечность.

Родственники Ивана почти не заходят в храм. Никто не заказывает в его память панихиды и поминальные службы. Но я поминаю его и без них, потому что мы с ним за те полгода стали настоящими друзьями, а друзьями не разбрасываются!

Подарок

В дни Рождественских праздников ко мне приехал мой друг, отец Виктор. Я радуюсь его приездам, потому что мы с ним всегда находим общие темы для разговоров. Еще бы они не находились: мы все-таки земляки! К тому же батюшке частенько привозят гостинчики из Белоруссии.

Сам он родился в селе, где его хорошо помнят, и потому ему перепадают разные деревенские вкусности. Иногда это полендвица², иногда – домашняя колбаска, и неизменно – белорусское сало.

О сале всякий белорус может говорить долго и содержательно. Он знает, как его нужно солить, сколько добавлять перца и почему опасно экспериментировать с чесноком. Без запинки укажет, как долго сало должно выдерживаться в собственном соку или в солевом растворе и где его потом лучше хранить. Здесь нужен опыт. А разве не важна структура самого сала? Мы с моим другом предпочитаем брюшинную часть с мясными прожилочками, так называемый «бекон». Такое сало имеет привкус вяленого мяса, но в сочетании с жирком всякий раз получается такая неповторимая вкусовая гамма, что подлинный гурман смакует его так же, как вдыхает в себя винный букет настоящий дегустатор.

² Полендвица (польск. «połędwica») – филейная вырезка.

Не подумайте, что мы с отцом Виктором обжоры! Нет, мы с ним – просто любители и знатоки этого деликатеса, и еще немножко – его поэты. Нам важен сам процесс дегустации, порой он напоминает мне японскую чайную церемонию. Разве на таких церемониях выпивают двухведерные самовары чая? Нет, так учатся наслаждаться вкусом! Может быть, кто-то и попытается обвинить нас с батюшкой в грехе ларингобесия, но как объяснить строгому судье, что даже простой черный хлеб, испеченный на родине и привезенный за тысячу километров, несомненно, окажется лучше покупной местной буханки? Домашний хлеб будет вроде бы тем же, но в нем будет присутствовать едва уловимый запах детства. Вот его-то и нужно ощутить, выделить и насладиться им. Юность моя мне давно уже неинтересна, а вот запахи и вкусы детства меня волнуют до сих пор...

Конечно, сало – не ириски: много не съешь, да и последствия чрезмерного увлечения вскоре скажутся на фигуре. Хотя почему большинству нравятся худые лица и изможденные тела? Знаете ли вы, что еще Юлий Цезарь не доверял истощенным и малорослым людям, полагая, что тщедушность свидетельствует лишь о том, что огонь неудовлетворенного честолюбия испепеляет их внутренности. Они мечтают о власти и нередко становятся участниками всевозможных заговоров. То ли дело люди, чьи фигуры пускай медленно, но верно стремятся к шарообразной форме. Скажу вам по секрету: таких опасаться не следует – они удовлетворены сво-

им положением в обществе и обрели внутреннюю гармонию. Вспомним, что еще древние греки говорили о шаре как об идеальной геометрической фигуре...

Отец Виктор шумно поздравил меня с праздником и заговорщицки сообщил, что привез гостинчик. Я уже мысленно представил себе кусочек сала с мясными прожилочками, но вместо этого батюшка неожиданно вытащил из багажника своего вместительного автомобиля спортивный тренажер фирмы «Кеттлер». После демонстрации немого восхищения я, наконец, спросил у него о предназначении этого замечательного снаряда. Рассказывая о достоинствах тренажера, отец Виктор напоминал заправского менеджера по реализации спортивного инвентаря. Он сноровисто забрался на тренажер и со знанием всех тонкостей его устройства рассказал и показал, как нужно правильно эксплуатировать эту недешевую заграничную штучку.

«Но самое главное, – заявил он, – добросовестный пользователь тренажера может в кратчайшие сроки вновь вернуться чуть ли не к юношеским формам. Короче, долой гиподинамию, вперед к спортивным вершинам!» – такими словами мой друг завершил свой вдохновенный монолог.

Слушая отца Виктора, я невольно сравнивал наши фигуры и пришел к выводу, что тренажер, пожалуй, все-таки больше необходим ему, чем мне. И его подарок в таком случае – несомненная жертва с его стороны. Совесть стала обличать меня, и я возразил батюшке, что не могу бесконечно

пользоваться его добротой, а столь замечательный тренажер нужен ему самому. И наверное, мы бы еще долго препирались, если бы отец Виктор вдруг не заговорил умоляющим тоном:

«Отченька, прошу тебя, забери ты его! Ведь, скажу откровенно, как только появилась эта штука в моем доме, житья никакого не стало! Матушка, всякий раз видя меня сидящим за столом или лежащим на диване, начинает упрекать: мол, о твоём здоровье позаботились, такую замечательную вещь подарили, а ты к ней и не подходишь! Немедленно вставай и жми на педали, сбрасывай лишние килограммы! Долго я все это терпел, а сегодня вернулся со службы пораньше и, пока жены не было дома, забрал его и привез тебе».

Я понял, что должен выручить друга. Мы затащили тренажер ко мне на пятый этаж и оставили его в прихожей.

Через какое-то время уже моя матушка, придя домой, обнаружила подарок отца Виктора. И уже мне, в свою очередь, пришлось рассказывать ей о достоинствах столь замечательного приобретения. Матушка осталась довольна, все занялись своими делами, и я забыл о тренажере. Но вскоре моя половина напомнила мне о его существовании. Уже через несколько минут мне пришлось вытирать пыль со снаряда, которая скопилась на нем в доме отца Виктора, и на деле приступить к его освоению.

Через несколько дней я стал обращать внимание на то, что все, о чем рассказывал мне мой друг, стало происходить и

в нашем доме. С тревогой я вслушивался в те же упреки, о которых меня предупреждал батюшка. Я понял, что все это – симптомы одной и той же болезни, которая развивается у матушек с появлением в доме тренажеров.

Пора было спасать жену. Следовало тщательно продумать пути отступления, а именно: куда девать снаряд, если процесс пойдет слишком далеко. Все-таки отец Виктор нашел не самый лучший вариант: если уж даришь какую-то вещь, то будь любезен, дари без нежелательных последствий для благодетельствованного!

Я перебрал в уме всех своих знакомых отцов. При нашем образе жизни почти все подвержены гиподинамии, но зачем же нарушать покой в семьях друзей? И вот, после некоторых раздумий, спасительное решение было найдено. Когда станет совсем не вмоготу, а болезненное отношение матушки к тренажеру достигнет апогея, я, пожалуй, подарю его игумену Нафанаилу. Во-первых, аппарат ему тоже нисколько не повредит, но, самое главное, он – монах, и неадекватная реакция матушки на спортивный снаряд ему в иноческой келье не грозит.

А пока, радуясь счастливо найденному решению, со спокойной душой за состояние здоровья своей супруги я принялся крутить педали замечательного тренажера фирмы «Кеттлер».

НОВЫЙ ГОД

Новый год, 2 января, вечер. Иду на отпевание усопшего, а сам думаю: «А туда ли я шагаю?..» Адрес записать не удалось, понадеявшись на память. Номера телефона тоже нет, а значит, подтвердить вызов никто не сможет, так что приходится полагаться только на интуицию.

Пятый этаж. Ни при входе в подъезд, ни возле квартиры никаких свидетельств присутствия покойника. Хотя сейчас это – обычное дело. Люди опасаются всевозможных неожиданностей. Знакомый батюшка рассказывал мне: в их городке люди оставили на ночь крышку гроба у входа в подъезд, а какие-то «шутники» решили позабавиться и утащили ее. Утром хватились, а крышки-то и нет! Что делать, где искать? Хоть плачь... И тут телефонный звонок: «Это не вашу крышку несут наши факелоносцы?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.